

Н.С. Иванов¹
N.S. Ivanov

«АУТОГОЛЬПЕ» 1973 Г. В УРУГВАЕ И СУДЬБА ПРАВОГО АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМА Х.М. БОРДАБЕРРИ

«AUTOGOLPE» IN URUGUAY IN 1973 AND THE DESTINY OF THE RIGHT- WING AUTHORITARIAN REGIME OF J.M. BORDABERRY

Аннотация: В условиях экономического и политического кризиса конца 1960-х – начала 1970-х гг. правящая либеральная партия «Колорадо» приобрела правый уклон, и президенты страны Х.П. Ареко и Х.М. Бордаберри ответили на растущие выступления масс введением ряда ограничений на традиционные гражданские свободы, что нашло поддержку среди военных. Сворачивались демократические права граждан, и в то же время постоянно расширялись полномочия полиции и армии. В июле 1972 г. правительство ввело в действие Закон о государственной безопасности. Началось беспрецедентное давление на левые и демократические движения, группировавшиеся с 1971 г. вокруг коалиции под названием Широкий Фронт. Однако все это не привело к смягчению кризиса. Экономические тяготы продолжали плодить и множить ряды оппозиции. Помимо прочего, разразились колоссальные коррупционные скандалы, которые потрясли общество. В июне 1973 г. при

¹ **Иванов Николай Серафимович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН; **Ivanov Nicolay** – PhD in Historical sciences, senior researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of sciences. Bail: nik3334@yandex.ru.

поддержке вооруженных сил Бордаберри распустил парламент и предоставил вооруженным силам и полиции широчайшие полномочия для совершения любых действий по поддержанию «общественного порядка». Это было расценено современниками как «аутогольпе» («самопереворот»), означавший введение военной диктатуры. В июне 1976 г. Бордаберри вынудили уйти в отставку, так как он, по мнению военных, «слишком много возомнил о себе», выдвинув предложение создать режим постоянной диктатуры во главе с ним в качестве «пожизненного президента». Военная диктатура правила в стране в 1973–1985 гг., создав мощный репрессивный аппарат, активно участвуя в ликвидации лидеров левых и демократических партий в рамках известной «операции Кондор» под руководством ЦРУ. Согласно данным «Эмнести Интернешнл» в годы военной диктатуры в Уругвае было больше политических заключенных на душу населения, чем в любой другой стране мира.

Ключевые слова: Военная диктатура, хунта, Латинская Америка, Уругвай, Х.М. Бордаберри, «аутогольпе»

Abstract: Facing the acute economic and political crisis in the end of 60s – beginning of 70s, the ruling liberal party «Colorado» made the turn to the right and presidents J.P. Areco and J.M. Bordaberry responded to the growing mass protests by introducing restrictions on traditional civil liberties, which found support among the military. The democratic rights of citizens were curtailed, and the powers of the police and the army were constantly expanding. In July 1972, the government enacted the State Security Act. Unprecedented pressure began on the left and democratic movements, united since 1971 around a coalition called the Broad Front. However, all measures of the government did not soften the crisis. Moreover, huge corruption scandals shocked the society. In June 1973, with the support of the armed forces, Bordaberry dissolved Parliament and gave the armed forces the broadest powers to carry out any action «to maintain public order». This was regarded by contemporaries as the «autogolpe» («self-coup»), which meant the introduction of military dictatorship. In June 1976, Bordaberry was forced to resign because he became a greater advocate of dictatorship than even the military officers, offering the proposal to create a regime of permanent dictatorship led by him as «President for life». The military dictatorship ruled in the country in 1973-1985, creating a powerful repressive apparatus, actively participating in the elimination of the leaders of the left and democratic parties within the notorious «Operation Condor» under

the guidance of the CIA. According to «Amnesty International», Uruguay had more political prisoners per capita during the military dictatorship than any other country in the world.

Keywords: Military dictatorship, junta, Latin America, Uruguay, J.M. Bordaberry, «autogolpe»

DOI: 10.32608/2305-8773-2019-24-1-139-160

В начале 1960-х гг., по мнению многих исследователей, наступил «закат эпохи тиранов» в Латинской Америке. Военные хунты, писал известный исследователь Тед Шульц, канули навсегда в небытие в Аргентине, Колумбии, Перу, Венесуэле. В 1961 г. в Южной Америке остался только один военный режим в Парагвае (хотя оставались диктатуры в Центральной Америке и Карибах)². Создание президентом Кеннеди «Союза ради прогресса» внесло дополнительный оптимизм и надежду на прогрессивные экономические реформы, которые должны ускорить развитие стран, модернизацию экономики, сделать прочными и незыблемыми демократические институты общества.

Однако это стремление к демократизации оказалось иллюзорным. Выросшие в связи с положительным опытом кубинской революции надежды крестьян, рабочих, средних слоев латиноамериканских стран, столкнулись с жестким сопротивлением со стороны консервативной политической элиты, отсутствием реальной экономической помощи в рамках «Союза ради прогресса» и его пропагандистским характером.

В итоге с 1964 г. вновь началась полоса военных переворотов, охвативших Бразилию, Аргентину, Чили, Эквадор и Уругвай. Западные исследователи называют военные режимы в этих странах «бюрократически-авторитарными». Было лишь одно исключение – военный режим Хуана Веласко Альварado в Перу, который причисляют к «прогрессивно-реформистским» моделям. Принятый там «План Инка» предусматривал «обеспечение интересов и стремлений широких масс нации», ставил своей целью ликвидацию господства олигархов, засилья латифундизма в аграрных регионах, преодоление зависимости и слабо-

² Szulc, 1959.

развитости, проведение широкой социальной политики, поощрение коллективистских форм собственности, и в конечном итоге «уничтожение любых форм эксплуатации и построение «общества социальной демократии». Однако после беспрецедентного экономического давления со стороны США, резкого ухудшения жизни широких слоев населения, в 1975 г. был организован путч по свержению Альварado, в котором самое активное участие приняли спецслужбы США.

Все остальные военные хунты исповедовали различные типы «корпоративизма», почерпнутого как из американской политической науки, так и из опыта европейских фашистских и право-авторитарных режимов. Наиболее характерными для них чертами стали меры по жесткому пресечению участия масс в политическом процессе, репрессии в отношении профсоюзов, крестьянских объединений и других организаций, выдвигавших массовые экономические и политические требования; частичный или полный запрет деятельности политических партий; передача экономических и политических решений в руки военных и их советников из числа гражданских лиц (так называемых «технократов»), презрение к либеральным политикам и жестокое преследование левых лидеров; полная зависимость от иностранных инвестиций, которые рассматривались как основа экономического роста; осуществление экономической политики, заимствованной у Милтона Фридмана и других экономистов «Чикагской школы»; программы приватизации, продажи предприятий и земельных наделов американским корпорациям, демонтаж сферы социального обеспечения, осуществление экономических программ так называемой «жесткой экономии», тяжелое бремя которых легло на плечи городского рабочего класса и крестьянства, приводя к массовому обнищанию «низов».

Очевидно, что такая политика вызывала крайнее отчуждение и ненависть со стороны широких слоев населения и могла осуществляться только путем жесточайшего подавления основных гражданских свобод, ареста, тюремного заключения и физического уничтожения политических оппонентов, массового применения пыток и других репрессивных методов.

Из всех южноамериканских стран, соответствующих этой «бюрократически-авторитарной» (а на самом деле праворадикальной или фашистской) модели, Уругвай представлял собой один из самых печально знаменитых примеров.

Любопытно то, что на протяжении большей части двадцатого века эта страна, наряду с Чили, считалась самой стабильной демократией в Латинской Америке. Во всех опросах, проведенных в 1945–1965 гг. среди экспертов по Латинской Америке, они неизменно ставили Уругвай в один ряд с самыми демократическими странами не только Латинской Америки, но и всего мира. Однако именно Уругвай, как и Чили, стал в 70-е – 80-е гг. символом политических репрессий и жестокой военной диктатуры.

Милитаризация уругвайской политики представляла собой резкий разрыв с давней традицией невмешательства армии в политические дела страны. В течение XX в. только один раз страна была подчинена диктаторскому правлению (1933–1938). Но даже тогда власть захватил законно избранный гражданский президент Габриэль Терра, диктатуру которого поддержали прежде всего силы полиции, но не военные.

В 60-е гг., когда ведущие историки Уругвая опубликовали 60-томную серию монографий под общим названием «Enciclopedia Uruguaya», там не было ни одного тома и даже ни одного раздела, посвященного вооруженным силам³. Один из самых известных уругвайских историков, Карлос Реаль де Асуа, в связи с этим заметил в 1971 г. (то есть за два года до переворота!), что отсутствие материалов по данной теме обусловлено тем, что военные традиционно играют весьма незначительную роль в новейшей истории Уругвая, в национальной политике страны и общественных отношениях⁴.

Именно поэтому рассмотрение вопросов, связанных с диктаторским режимом в Уругвае в 1970-е – 1980-е гг. весьма важно с той точки зрения, что он был установлен в условиях, казалось бы, незыблемого демократического парламентского правления

³ Enciclopedia, 1968–1970.

⁴ Azua, 1971. P. 156–158.

с традиционными, десятилетиями укоренившимися демократическими институтами.

Конфликты в политической сфере резко обострились на фоне сильнейшего экономического кризиса, начавшегося с середины 1950-х гг. Рост мирового спроса на мясо и шерсть во время Корейской войны, привел к последнему в XX веке экономическому буму в Уругвае, а окончание войны ознаменовало два десятилетия экономического застоя. Неспособность аграрной элиты страны модернизировать свое хозяйство, кризис в промышленности, снижение спроса на шерсть на мировом рынке – все это способствовало резкому падению экономики. С 1954 по 1972 гг. ВВП страны сократился на 12%, что поставило Уругвай в ряд немногих в то время стран в мире, где наблюдался так называемый «отрицательный экономический рост». Спад сопровождался ростом безработицы и огромными ежегодными темпами инфляции от 60% до 135% в течение 1960-х гг.⁵

В этих условиях рабочие боролись против предпринимателей за сохранение минимума оплаты труда, городские партизаны «тупамарос» – против властей, западного империализма и полиции. Либеральная партия Колорадо резко поправила, и президенты Хорхе Пачеко Ареко (1967–1971) и Хуан Мария Бордаберри (1971–1976) ответили на растущие беспорядки введением ряда ограничений на традиционные гражданские свободы, что нашло поддержку среди военных. В условиях почти перманентного «чрезвычайного положения», объявленного в стране, подавлялись забастовки, профсоюзных лидеров арестовывали и бросали в тюрьмы, вводились ограничения на свободу печати.

Это было особенно характерно для правления Бордаберри, который победил на выборах во-многом благодаря различным подтасовкам и махинациям⁶. Правительство, вместо проведения реформ в интересах народных масс, усилило репрессии против оппозиции. Было продлено чрезвычайное положение, установленное предшествующим президентом.

⁵ Díaz, 2003. P. 373–381.

⁶ Taylor, 1984. P. 288–291.

Президент (несмотря на то, что был представителем либеральной партии) искал поддержку среди правых фракций и движений. Он практически ничем не отличался от правых консерваторов в своей опоре на «свободный рынок», приватизацию госсектора, монетаристские принципы, которые, по его мнению, должны были расширить влияние финансовых и коммерческих структур, а также привести к притоку иностранных займов и инвестиций⁷.

Параллельно курсу, проводимому по указке Государственного департамента США и международных финансовых структур, правительство оказывало максимальную бюджетную поддержку армии, в ущерб другим сферам (образованию, науке, здравоохранению, социальным выплатам и гарантиям). Сворачивались права и свободы граждан, правительство разработало законопроект по ликвидации ограниченной автономии университетского самоуправления, в то же время постоянно расширяя полномочия полиции и армии⁸.

В апреле 1972 г., используя в качестве предлога выступления «тупамарос», Бордаберри объявил в стране «состояние внутренней войны». Эта разновидность чрезвычайного положения сопровождалась полной ликвидацией прав и свобод граждан, и была продлена Генеральной Ассамблеей до 1973 г. 10 июля 1972 г. правительство ввело в действие Закон о государственной безопасности⁹. Началось беспрецедентное давление на левые партии и движения, группировавшиеся с 1971 г. вокруг коалиции под названием Широкий Фронт, нападки на конгресс, где было много противников Бордаберри. К концу 1972 г. армия жесточайшим образом подавила движение «тупамарос»,

В дополнение к армии при поддержке американских инструкторов были сколочены «эскадроны смерти» из полицейских, военных и гражданских наемников, которые начали хватать и убивать без суда и следствия левых и профсоюзных активистов. Численность «эскадронов» почти сравнялась с коли-

⁷ Political Economy, 1993. P. 35–40.

⁸ Political Economy, 1993. P. 41–43.

⁹ Derecho, 1980. P. 79–81.

чеством военнослужащих в армии¹⁰. Однако все это не привело (и не могло привести) к смягчению кризиса. Экономические тяготы продолжали плодить и множить ряды оппозиции. Помимо прочего, разразились колоссальные коррупционные скандалы, которые потрясли общество.

Банковские мошенники вкупе с государственными чиновниками вывозили огромные суммы за рубеж, приводя к банкротству крупнейших кредитных учреждений. В крахе «Коммерческого Банка» был замешан брат министра иностранных дел при президенте Пачеко, Хорхе Пейрано. Сам министр был вынужден уйти в отставку. Военные, которые начали самостоятельно расследовать преступные валютные операции, заявили о «беспрецедентном размахе коррупции и полном цинизме властей». Они указывали на разительный контраст этого разгул казнокрадства с честностью правительства в начале XX в., когда великий президент-реформатор Батлье-и-Ордоньес уволил одного из министров лишь за то, что тот принял в качестве подарка обычные наручные часы¹¹.

Мотив коррупции властей стал к тому времени одним из главных в арсенале средств ЦРУ для свержения неугодных правительств и установления военных диктатур. Не стал исключением и Уругвай. При полной поддержке Вашингтона уругвайские военные решили взять власть в свои руки. С 1971 г. фактическим руководителем готовящегося заговора стал генерал Грегорио Альварес, амбициозный офицер, который возглавил Высшее Военное командование (ESMACO). В него вошли 22 человека, представлявшие все рода войск. Этот орган стал центром политического и экономического планирования военных¹².

В феврале 1973 г. высшие чины армии и ВВС, вопреки законодательству, выступили против кандидатуры, выдвинутой Бордаберри на пост министра обороны. Они опубликовали два коммюнике, в которых изложили свой план борьбы против коррупции, проведения экономических, социальных и полити-

¹⁰ Memorias, 2007. P. 113–127.

¹¹ Corrupción, 1993. P. 183.

¹² Gillespie, 1991. P. 33–40.

ческих мероприятий для «вывода страны из кризиса». В этом ультиматуме в качестве обязательного условия для сохранения своей должности президент был вынужден принять список их требований. Известные как коммюнике № 4 и № 7, документы содержали требование перераспределения земли в пользу тех, кто ее обрабатывает, ликвидации коррупции, банковской и других реформ¹³.

Бордаберри, вопреки своим конституционным обязанностям, с готовностью заключил соглашение с военными, известное как «пакт Боиссо Ланса», который гарантировал последним голос в решении общенациональных проблем, а также в принятии политических решений. Он признал, что Вооруженные силы будут «контролировать управление страной в тесном контакте с исполнительной властью» и бороться с политическими идеями, которые «несовместимы с традициями и идеалами народа». Для рассмотрения всех важнейших государственных решений был создан Совет национальной безопасности (COSENA). Хотя официально он являлся гражданско-военным органом, там уже полностью доминировали генералы и полковники. Уругвайцы назвали этот месяц начавшегося развала сложившейся политической структуры «горьким февралем»¹⁴.

Так называемый «пакт Боиссо Ланса», заключенный президентом с военными, стал лишь незатейливой маскировкой государственного переворота. Фактически верховная власть перешла в руки Национального совета безопасности, созданного как «совещательный орган» при президенте. Его членами стали командующие армией, ВВС и ВМФ, еще один дополнительный высший офицер от вооруженных сил, а также министры обороны, внутренних дел и иностранных дел. Дополнительный член Совета от военных был нужен для перевеса голосов в пользу вооруженных сил при принятии решений¹⁵.

Затем военные приложили максимум усилий для введения Закона о государственной безопасности. Однако этому воспротивилась Генеральная Ассамблея, которая стала проводить в

¹³ Frega, 2007. P. 188.

¹⁴ El presente, 2004. P. 76.

¹⁵ Gillespie, 1991. P. 42–48.

это время расследования фактов применения военными пыток в отношении членов оппозиционных движений. Слушания продолжались до 27 июня 1973 г. В этот день, при поддержке вооруженных сил Бордаберри распустил парламент и заменил его безвластным Государственным Советом. Кроме того, он предоставил вооруженным силам и полиции широчайшие полномочия для совершения любых действий по поддержанию «общественного порядка». По существу это означало введение военной диктатуры¹⁶.

Действия Бордаберри были расценены современниками как «autogolpe» («самопереворот», «свержение с легитимной власти самого себя, чтобы приобрести статус диктатора») – тактика, которая впоследствии широко использовалась спецслужбами США в многочисленных государственных переворотах и «цветных революциях». Так к «самопереворотам» причисляют события в Боливии с президентом Уго Бансером в ноябре 1974 г., президентом Аргентины Исабель Мартинес де Перон в феврале 1975 г., президентом Перу Альберто Фухимори в 1992 г. Любопытно, что к подобному типу переворотов относят и приход Ельцина к власти в 1991 г., когда между М. Горбачевым и Б. Ельциным был разыгран своеобразный «кооперативный мат» (так в шахматах называют ситуацию, при которой один из соперников играет на свой выигрыш, а другой на свое поражение)

В начале 2000-х гг., в ходе следствия по обстоятельствам государственного переворота 1973 г. выяснилось, что в преддверии этих событий он неоднократно обсуждал положение в стране с американским послом Эрнесто Сиракьюза и заявлял, что «уругвайские демократические традиции и институты сами по себе представляют угрозу демократии». Кроме того, вскрылись документы, подтверждающие личное участие Бордаберри в сколачивании «эскадронов смерти», которые отвечают за сотни зверски убитых и так называемых «исчезнувших» уругвайцев (*desaparecidos*)¹⁷.

¹⁶ Davis, 1995. P. 55–59.

¹⁷ Rico, 2005. P. 195.

Реакционеры у власти совместно с военными распустили и объявили вне закона все левые партии и организации, профсоюзные объединения. Для подавления студенческих выступлений на территорию университета были введены войска¹⁸.

«Доктрина национальной безопасности», которую выдвинули военные и ультраконсерваторы в качестве своей идеологической базы, представляла собой псевдонаучный анализ обстановки на основе неких геополитических выкладок. В ней говорилось, что суверенитет уже не может исходить от народа, но проистекает из «императива выживания и самосохранения государства». Одна из основных идей Доктрины состояла в том, что императивы национальной безопасности ставят участие военнослужащих в политической и экономической жизни общества гораздо выше по сравнению со всеми остальными социальными группами и слоями¹⁹.

Одно из главных понятий состояло в биполярности мира: он разделен на два противоположных лагеря, которые представляют антагонистические и, следовательно, взаимоисключающие образы жизни – с одной стороны Западная цивилизация и христианство, с опорой на традиционный уклад, ценности личной свободы и демократии; а с другой – «враг», «международный коммунизм», стремящийся к уничтожению свободы и навязыванию тоталитарной политической системы. Противостояние между этими антиподами поднимается в Доктрине до глобального уровня, охватывая всю планету, а также все аспекты жизни каждого отдельного общества (государства) – культуру, политику, образование, экономику, религиозные вопросы.

Для усиления своей позиции создатели Доктрины рисовали Запад «малоподготовленным», «слабым», «незащищенным» перед угрозой «коммунистической агрессии». Для укрепления позиций необходимо отстаивать исторические традиции, принципы и ценности, дать больше прав военным в организации общественной жизни, демонтировать «подрывные» институты и организации гражданского общества (включая левые и либе-

¹⁸ Davis, 1995. P. 62.

¹⁹ Comblin, 1989. P. 91.

ральные партии, профсоюзы, студенческие «радикальные» группы, даже спортивные клубы, кооперативы и культурные ассоциации, в которые прослеживается «тлетворное влияния марксизма») ²⁰

Исследователи выделяют несколько основных источников этой доктрины. Немалую роль сыграли взгляды, почерпнутые из франкистской Испании. С момента своего создания фалангизм утверждал, что вооруженные силы должны оставаться в стороне от политической и партийной борьбы, «но в моменты, когда возникает смертельная угроза фундаментальным основам общества, военные имеют право вмешаться в ход событий, защитить основополагающие устои и скрепы общества, дать мощный импульс к достижению великих национальных целей». Также следует отметить теорию и практику французской колониальной армии, участвовавшей в войнах против движения за независимость в Алжире и Индокитае, – там сложилась элитарная концепция возврата к авторитарным философским и идеологическим моделям ²¹.

Уругвайские путчисты солидаризовались с идеологией, которую проповедовали бразильские генералы после прихода к власти в ходе государственного переворота 1964 г. Стержнем доктрины были взгляды, изложенные генералом Артуром Голбери до Коуто-е-Сильва в книге «Геополитика Бразилии». Там проводилась незамысловатая идея о «всемирной борьбе не на жизнь, а на смерть между силами капитализма, христианского Запада и коммунистического, атеистического Востока» при полной невозможности какого-либо примирения или компромисса ²². Бразильские, а вслед за ними, и уругвайские генералы рассматривали себя (с подачи их «спонсоров» из Вашингтона) верными защитниками «западных ценностей» и неутомимыми участниками глобального противоборства с «силами зла». В этой войне с жестоким и хитроумным противником не могло быть никаких колебаний или сомнений, никакого места гуманности или состраданию. Для того, чтобы сохранить и защитить

²⁰ Appratto, 2004. P. 115–117.

²¹ Lázara, 1988. P. 311.

²² Couto e Silva, 1967.

государство, надо было принести в жертву права и свободы граждан – «небольшая цена в жестокой борьбе»²³.

В Высшей военной школе Бразилии проходили обучение многие офицеры из Уругвая. И американцы высоко оценивали вклад этого заведения в идейное формирование латиноамериканских военных. Там, по рекомендациям американцев были разработана особая методика так называемой «смешанной подготовки», сочетания в программах военных и общегражданских дисциплин, с тем чтобы максимально индоктринировать слушателей в русле антикоммунистической идеологии Холодной войны. Коуту-э-Силва, главный лектор, сосредоточил свою преподавательскую деятельность на изображении опасностей внутренней подрывной деятельности и коммунистической агрессии. Под воздействием этих взглядов уругвайская концепция национальной безопасности приобретала весьма широкие масштабы, включая необходимость обеспечения военными контроля над всеми сферами и видами деятельности общества²⁴.

Ряд исследователей игнорирует роль США в формировании крайне правых взглядов и концепций в Уругвае и других странах Латинской Америки. На самом деле, так же, как и в фашистской Германии в годы гитлеризма, большая часть фашистских идеологов латиноамериканских диктаторов была почерпнута из США. Прежде всего, это стремление к одномерной организации общества по образу и подобию американских корпораций, с жесткой вертикалью власти, беспрекословным подчинением приказам, идущим сверху. Это крайний национализм, идея богоизбранности своей нации, ее превосходства. Это милитаризм, окружение военных неким ореолом «сверхлюдей», «Рэмбо», которые призваны спасти мир от катастрофической угрозы, будь то коммунизм или инопланетные пришельцы.

После войны США резко взвинтили тему «красной угрозы» в Латинской Америке, несмотря на очевидную слабость и маргинальность местных компартий, отсутствие какой-либо значи-

²³ Gillespie, 1991. P. 69–72.

²⁴ Comblin, 1989. P. 59–60.

тельной поддержки со стороны СССР. Однако за показной борьбой с коммунизмом эта пропагандистская машина на самом деле была направлена против всех национально ориентированных сил, прежде всего либералов, которые мечтали о суверенном развитии, техническом прогрессе, модернизации.

Для сохранения и поддержания полукOLONиального, зависимого положения американцам были нужны прежде всего диктаторы, которые бы уничтожали прогрессивную левую и либеральную оппозицию, закрепляли господство ретроградо-латифундистов, олигархов, получающих дивиденды от распродажи сырьевых богатств, а также церкви, приучавшей граждан к послушанию властям.

С рубежа 1960-х годов американские политологи, такие как С. Хантингтон, Э. Нордлингер проповедовали позитивный облик военных как «главной опоры общества в развивающихся странах»²⁵. Стратегическая внешнеполитическая концепция Соединенных Штатов в отношении Латинской Америки, разработанная на рубеже 1960-х гг. была ориентирована на новую роль для военных в Латинской Америке как неких «спасителей западной цивилизации». В печально известной «Школе Америки», в центрах подготовки латиноамериканского генералитета в Панаме, форте Ливенуорт и других местах, через которые прошла большая часть высших офицеров континента, с ними проводили не столько профессиональные занятия, сколько индоктринировали политические идеи с тем, чтобы сформировать «новый тип военных», главной задачей которых является не оборона страны от внешней агрессии, а поддержание так называемой «внутренней безопасности», защита от мифической «подрывной деятельности». Им внушалось, что вооруженные силы являются основным, незаменимым фактором национального развития, что военным жизненно необходимо участвовать во всех сферах общественной жизни и при необходимости смело брать на себя бремя власти.

Проводилась не только изоциренная индоктринация латиноамериканских военных, но и прямое участие в подготовке и

²⁵ Huntington, 1957; Nordlinger, 1977.

проведении путчей. В этом, помимо широко известных посольств США, была задействована гигантская сеть резидентур ЦРУ, различных советников и инструкторов, военных миссий. Известный американский политолог Альфред Степан писал: «После Второй Мировой Войны и в начале Холодной войны Соединенные Штаты создали целую монополию из своих военных миссий в Латинской Америке, которые занимались оказанием помощи в приобретении вооружений, технических консультациях, вели широкие образовательные и пропагандистские программы, занимались инструктажем и подготовкой офицерских кадров»²⁶.

Эти форпосты американского влияния в Уругвае дополнялись подрывной деятельностью ЦРУ и других секретных служб, финансированием и планированием военного переворота, поддержкой правых и фашистских организаций²⁷. Как и в других латиноамериканских странах, репрессивный аппарат с помощью США был переориентирован на подавление оппозиции с привлечением «эскадронов смерти», использованием самых зверских пыток и политических убийств. Американцы были создателями своеобразного интернационала военных хунт в рамках «Операции Кондор», участники которой занимались физическим уничтожением левых и либеральных деятелей, даже в том случае, если они эмигрировали из своих стран за рубеж. В этом кровавом «сафари» были убиты сотни лучших людей континента.

Среди наиболее известных жертв этой травли были известные либеральные уругвайские политики сенатор Сельмар Мичелини и депутат конгресса Эктор Гутьерес Руис, которых «неизвестные киллеры» расстреляли в Буэнос-Айресе в 1976 г.

«Превентивные» репрессии в отношении оппозиции (к которой по неумолимому закону эскалации насилия стали причислять вначале коммунистов, а затем по нисходящей – социалистов, членов профсоюзов, «гнилых либералов», профессоров, студентов и просто всех неугодных лиц) отличались особой

²⁶ Stepan, 2015. P. 126.

²⁷ Aldrichi, 2007.

жестокостью и беспощадностью. К сотням убитых и «исчезнувших» (зверски замученных и убитых без суда и следствия «эскадронами смерти») добавлялись десятки тысяч политзаключенных. Многие из них подвергли чудовищным, бесчеловечным пыткам. Большое число уругвайцев были уволены по подозрению в «симпатиях к оппозиции» из государственных учреждений и частных предприятий. Многие бежали из страны в ужасе перед репрессиями. Около 10% населения эмигрировали из страны в эти годы по политическим или экономическим причинам²⁸. Режим установил жестокую цензуру над всеми печатными изданиями, радио и телевидением, ликвидировал свободу собраний и политических объединений. Организация «Эмнести Интернешнл» произвела расчеты, согласно которым в годы военной диктатуры в Уругвае было больше политических заключенных на душу населения, чем в любой другой стране мира²⁹.

В отношении оппозиционеров применялись самые изощренные пытки, такие как электрошок с подсоединением проводов от полевых телефонов к рассверленным зубам жертв. Этому уругвайских полицейских и военных учили американские «педагоги» (в их числе казненный партизанами Дан Митрионе) как в Уругвае, так и в «Школе Америк», действовавшей под эгидой спецслужб США с 1946 г. Убийства, «исчезновения», зверские избиения, тюремное заключение стали повседневностью не только в отношении оппозиционеров, но и всех «неудобных» режиму лиц. СМИ подвергались жесточайшей цензуре, любая оппозиционная политическая деятельность была запрещена, компартия и профсоюзы объявлены вне закона. При этом в экономике был взят курс на неолиберальные реформы по рецептам американской «чикагской школы»³⁰.

После ухода в отставку Бордаберри в 1976 г. на пост президента был назначен А. Демичелли, однако после того, как он отказался пойти на дальнейшее ужесточение политической системы, в сентябре 1976 г. был смещен со своего поста военны-

²⁸ Dutrénit, 2006. P. 254–257.

²⁹ Caetano, 1988. P. 15.

³⁰ Barrie, 2017. P. 375.

ми и заменен на А. Мендеса (1976–1981). Он провел «оригинальное» политическое решение – отменил все политические права у всех лиц, которые участвовали в национальных выборах 1966 и 1971 гг. В итоге вся политическая жизнь в стране была полностью прекращена³¹.

Военная хунта попыталась создать видимость законности своей власти и представила проект конституции, который предполагалось принять на референдуме и провести выборы (с одним кандидатом на пост президента, согласованным предварительно с партиями «Бланко» и «Колорадо»). Была разработана особая «Хартия», которая предоставляла военным право вето по всем вопросам внутренней и внешней политики. В 1980 г. хунта вышла на референдум, предлагая принять основные положения разработанной ей «Хартии» в качестве новой конституции³². Однако уругвайцы, пришедшие на избирательные участки, нанесли военной диктатуре мощный, неожиданный для нее удар, отвергнув большинством голосов (57% против 43%) предложенную конституцию³³.

В 1981 г. Мендеса сменил на посту президента генерал Г. Альварес (1981–1985), один из главных организаторов и идеологов переворота 1973 г.

Результаты плебисцита подорвали легитимность военного режима, а экономическое положение было дестабилизировано сокращением в 1982 г. иностранных займов и кризисом аргентинской экономики (из-за Фолклендской войны), с которой экономика Уругвая имела тесные связи. Военные (как всегда, по указке из Вашингтона, разворачивавшего в то время кампанию «защиты прав человека», направленную на дестабилизацию СССР) «сообразили», что пора передавать власть гражданским лицам и объявили о проведении выборов в 1984 г.

В 1982 г. был принят Закон о политических партиях, который регулировал процесс выдвижения и избрания лидеров политических партий, работу национальных съездов, подготовку политических платформ и программ. Были избраны лидеры и

³¹ Caetano, 1988. P. 23–27.

³² Gillespie, 1991. P. 80–82.

³³ Weinstein, 1985. P. 34–37.

воссоздана структура Национальной партии (Бланко), «Колорадо» и Гражданского союза (Unión Cívica). В 1983 г. разрешенный властями «Межпрофсоюзный пленум трудящихся – Национальный конвент трудящихся» (МПТ–НКТ), провел 1 мая в Монтевидео демонстрацию, которая вылилась в массовую акцию протеста против диктатуры. В марте 1984 г. руководители МПТ–НКТ организовали всеобщую забастовку. В середине 1984 г. прошла еще одна всеобщая забастовка, на этот раз организованная политическими партиями и общественными организациями.

В переговорах между политиками и военными, который завершился подписанием «Пакта клуба ВМФ» предусматривалось проведение всеобщих выборов в 1984 г., традиционно для Уругвая в последнее воскресенье ноября³⁴. В результате к власти пришел представитель «Колорадо» Х.М. Сангинетти. С 1 марта 1985 г. он вступил в должность президента, объявив о том, что своей главной задачей считает «переход к демократии»³⁵.

Власти намеревались вернуть страну в рамки парламентской демократии и обеспечения основных гражданских прав и свобод. Для того чтобы заручиться нейтралитетом военных, они объявили амнистию как жертвам режима, так и всем военнослужащим, участвовавшим в репрессиях против мирного населения (что вызвало взрыв негодования со стороны уругвайцев, пострадавших от диктатуры и ратовавших за привлечение мучителей к суду).

В декабре 1986 г., после ожесточенных дебатов в парламенте, доходящих до кулачных столкновений, Генеральная Ассамблея утвердила правительственный вариант амнистии, включая запрет на проведение расследования грубейших фактов нарушения прав человека, совершенных офицерами армии и полиции в годы диктатуры. Поэтому «Закону об истечении срока давности» все полицейские и военнослужащие страны, ответственные за нарушения прав человека, совершенные до 1 марта

³⁴ Gillespi, 1991. P. 138–144.

³⁵ Bruschera, 1993, P. 203–215.

1985 г., освобождались от любой ответственности, вне зависимости от того, совершали ли они эти действия по политическим мотивам или исполняя приказы вышестоящего командования. Против этого «закона о безнаказанности» (как его окрестили простые уругвайцы), выступили многие политические партии и организации, в том числе Широкий Фронт, «тупамарос», Католический Союз, профсоюзные организации, крупнейшее профсоюзное объединение МПТ–НКТ. Они боролись за проведение референдума по вопросу об амнистии. Однако на референдуме 1989 г. чуть больше половины проголосовали за сохранение этого закона³⁶.

В конце 1990-х годов организация "Эмнести Интернешнл" требовала проведения тщательного расследования фактов нарушения прав человека в годы военного режима, включая убийства оппозиционеров, пытки, «исчезновения» активистов левого движения. Была подготовлена документация для проведения расследования по фактам «исчезновений» 32 человек в Уругвае и более 100 уругвайцев в Аргентине. Поводом для расследований стали также признания вышедших в отставку военных.

Так, в 1996 г. бывший капитан ВМФ Хорхе Трикколи написал открытое письмо в одну из газет, в котором каялся в том, что принимал участие в открытых и тайных убийствах («исчезновениях»), которые произошли за период с 1973 по 1985 г. Откровения Трикколи совпадали с фактами, изложенными другими военными, где говорилось об уничтожении активистов-оппозиционеров в ходе совместных операций за рубежом с силами безопасности Аргентины под эгидой ЦРУ³⁷. В мае 1996 г. состоялся «Марш молчания» в память об «исчезнувших» уругвайцах, в котором приняли участие десятки тысяч человек³⁸. Тем не менее правительство и традиционные партии поддержали военных, которые настаивали на том, что не должно быть

³⁶ Bruschera, 1993. P. 146–154.

³⁷ To Find, 1996.

³⁸ El Dia, 23.05.1996.

никаких расследований, ибо референдум 1989 г. якобы полностью закрыл эту проблему³⁹.

Борьба за справедливость и осуждение главных преступников периода военной диктатуры не прошла, тем не менее, бесследно. 17 декабря 2007 года был арестован по обвинению в преступлениях, совершённых в период военного правления, главный идеолог путчистов Г. Альварес. 22 октября 2009 года он был окончательно признан виновным в убийстве 37 человек во время своего пребывания в качестве командующего армией и осуждён на 25 лет тюремного заключения (умер в 2016 г.).

Поплатился за свой «аутогольпе» и Х.М. Бордаберри. Экспрезидент был осужден в 2010 г. к 30-летнему тюремному заключению, которое заменили домашним арестом. Он умер через год после вынесения приговора.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Aldrich C.* La intervención de Estados Unidos en Uruguay, 1965-1973: El caso Mitrione. T.1-2. Montevideo: Trilce, 2007.
- Apprato C.* El Uruguay de la dictadura (1973-1985). Montevideo: CEIU, Fundación de Cultura Universitaria, 2004.
- Azua C.R. de.* Política, poder y partidos en el Uruguay de hoy. Montevideo: Universidad de la República, 1971.
- Barrie B.L.* Las Crisis Políticas Modernas y sus Protagonistas (1789-2016): Diccionario Enciclopédico Esencial. Montevideo: Independently published, 2017.
- Bruschera O.* Las décadas infames, Análisis político, 1967–1985. Montevideo: Linardi y Risso, 1993.
- Caetano G., Pedro Rilla J.* Breve historia de la dictadura, 1973–1985. Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 1988.
- Comblin J.* Doctrina de seguridad nacional. T. 2., San Jose (Costa Rica): Editorial Nueva Década, 1989.
- Corrupción en Uruguay: opiniones sin censura. Montevideo: Sudamericana, 1993.

³⁹ Human Rights, 1997. P. 6.

- Couto e Silva G. do.* Geopolítica do Brasil. Rio de Janeiro: Livraria José Olímpio, 1967.
- Davis W.C.* Warnings from the Far South: Democracy vs. Dictatorship in Uruguay, Argentina and Chile. Berkley: Praeger, 1995.
- Derecho penal militar uruguayo. T. 1. Montevideo: A.M. Fernández, 1980.
- Díaz R.P.* Historia económica de Uruguay. Montevideo: Taurus, 2003.
- Dutrénit S.* El Uruguay del exilio: gente, circunstancias, escenarios. Montevideo: Ediciones Trilce, 2006.
- El presente de la dictadura: estudios y reflexiones a 30 años del golpe de Estado en Uruguay. //Ed. Marchesi A., V. Markarian et al. Montevideo: Ediciones Trilce, 2004.
- Enciclopedia Uruguaya. Vol. 1–60. Montevideo: Editores Reunidos y Editorial Arca, 1968–1970.
- Frega A.* Historia del Uruguay en el siglo XX: (1890-2005). Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2007.
- Gillespie C.G.* Negotiating Democracy: Politicians and Generals in Uruguay. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Human Rights Report: Uruguay // Uruguay Country Report on Human Rights Practices for 1996. Released by the Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, U.S. Department of State. Washington, 1997.
- Huntington S.P.* The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil–Military Relations. Cambridge: Harvard University Press, 1957.
- Lázara S.A.* Poder militar: origen, apogeo y transición. Legasa (España): Editorial Legasa, 1988.
- Memorias de la violencia en Uruguay y Argentina: golpes, dictaduras, exilios (1973–2006) / Ed. E.R. Tristán. Montevideo: Ed. Colihue, 2007.
- Nordlinger E.A.* Soldiers in Politics: Military Coups and Governments. Englewood Cliffs, (N.J.): Pearson College Div, 1977.
- Political Economy of Poverty, Equity, and Growth: Costa Rica and Uruguay / Ed. by A. Bensigon, S. Rottenberg. N.Y.: Oxford University Press., 1993.

Rico A. Quince días que estremecieron al Uruguay: golpe de estado y huelga general: 27 de julio-11 de julio de 1973. Montevideo: Editorial Fin de Siglo, 2005.

Stepan A.C. The Military in Politics: Changing Patterns in Brazil. Princeton: Princeton University Press, 2015.

Szulc T. The Twilight of Tyrants. N.Y.: Holt, 1959.

Taylor P.B. Government and Politics of Uruguay. N.Y.: Praeger, 1984

To Find the Truth Is to Overcome the Past // Amnesty International News Service, 20.5.1996.

Weinstein M. Uruguay: The Politics of Failure and Uruguay: Democracy at the Crossroads. N.Y.: Boulder and London, 1985.